

ВСМ

ВИКТОР

ПРОНИН

ВЫИГРЫВАТЬ

НАДО УМЕТЬ

Виктор Пронин

Убийство

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Убийство / В. А. Пронин — «Эксмо»,

Мастер острого сюжета, закрученной интриги, точных, а потому и убедительных подробностей, достаточно вспомнить знаменитого «Ворошиловского стрелка» или непревзойденную криминальную сагу «Банда», Виктор Пронин великолепно владеет трудным жанром рассказа. В его рассказах есть место и для хитроумной «сыщицкой» головоломки, и для лиричного повествования о непростых отношениях между мужчиной и женщиной, и для исследования парадоксов человеческого характера. Словом, жизнь – штука непредсказуемая, ведь никогда не знаешь, что ждет тебя в любой следующий миг. Но в этом-то и самый интерес...

© Пронин В. А.

© Эксмо

Виктор Пронин

Убийство

Поздняя сентябрьская жара спала, и наступил осенний вечер. Одна сторона улицы была освещена низким солнцем, и на бугристой, исполосованной трамвайными рельсами площади тени от домов лежали, будто разложенное для просушки тряпье. Город облегченно откладывал дневные дела и подумывал, чем бы заняться. Только трубы заводов продолжали деловито отравлять воздух. Желто-зеленый дым шел настолько густой, что подкрашивал и волны широкой реки, и отражения в окнах домов, и лица прохожих. Весь вечер казался каким-то желтовато-зеленым, как кожура не очень спелого лимона.

Это случилось возле большого серого дома, едва ли не самого большого в городе, и, если бы не его высокие окна, он был бы очень похож на тюрьму, поскольку работающие в нем люди находились как бы в пожизненном заключении. После пятнадцати-двадцати лет работы они получали повышение, некоторые становились начальниками и уже требовали уважения к себе, к своему стажу, возрасту, к своей старости, капризно и обидчиво требовали сочувствия к своему близкому и неизбежному концу. Конечно, с годами служащие постепенно глупели, но так как это происходило со всеми, независимо от служебного положения, то этого оглушения никто не замечал, более того, глупость воспринималась как глубокомыслие, а то и мудрость. И это было вполне объяснимо, потому что с годами потребность в умственных усилиях, умственных способностях уменьшалась, а то и вовсе отпадала.

Дом был просто набит всевозможными учреждениями, которые принимали от граждан города разные жалобы, собирали их в толстые папки, вписывали в амбарные книги, готовили отчеты об этих жалобах, подсчитывали, кто на что жалуется, сравнивали с тем, что было десять, двадцать, пятьдесят лет назад, на что жаловались тогда и как часто. Работы хватало, и многие служащие даже не знали друг друга в лицо. Ходить по коридорам в рабочее время, курить в противопожарных уголках, смеяться и разговаривать, смотреть в окна и звонить по телефону было предосудительно, и человек, решившийся на подобное, заранее лишал себя возможности стать когда-нибудь начальником, к шестидесяти годам заместителем, а к семидесяти и самим заведующим. Каждое такое повышение прибавляло десять рублей к зарплате, и на пренебрежение к порядку решались немногие. О них рассказывали легенды, передавали их имена из поколения в поколение. Поэтому утром все исправно вбегали в комнатки, усаживались на стулья, покрытые серыми тряпочками – чтобы не блестели штаны, которые, несмотря на это, все-таки блестели, выдавая невысокое качество штанов и усердие их обладателей, на обед разбегались по близлежащим столовым или вынимали из портфелей газетные свертки, в которых томились котлеты, колбаса, помидоры – в те времена все это еще было в природе. А вечером, ровно в шесть часов, служащие дружно и неудержимо разбегались по домам.

Если кому-нибудь исполнялось пятьдесят лет, сотрудники сбрасывались по полтиннику и покупали счастливцу красную папку с золотыми цифрами. Папку покупали, и когда исполнялось шестьдесят или семьдесят лет, только золотые цифры были крупнее, а сама папка была почти свекловичного, надрасного цвета. А если кто умирал, то опять собирали по полтиннику, но уже на венки, и долго потрясенным шепотом спорили, кому за ним идти. В конце концов посылали машинисток или уборщиц, и те уходили охотно, потому что это было все-таки куда приятнее, чем печатать жалобы или выметать те же жалобы. А тащиться с венком через весь город никому не хотелось, поскольку тем самым человек лишался многих удовольствий, связанных со смертью сослуживца, – тревожных предположений о том, кто займет его место, обоснованно ли это будет, справедливо ли, не остался ли покойник кому должен, не задолжал ли кто ему, а еще грустные разговоры о тщетности бытия, о том, что жить все-таки стоит, но для этого придется еще теснее сплотить ряды...

В этот вечерний желто-зеленый час дом был пуст. На вторую смену остались разбирать залежалые жалобы лишь будущие начальники в отчаянной попытке приблизить заветный миг и обреченные к увольнению, каким-то неведомым канцелярским чувством ощутившие шаткость своего положения и пытающиеся исправить его сверхчеловеческим усердием. И те и другие глупели быстрее остальных и быстрее достигали того, что им было предназначено. О первых говорили, что они горят на работе, любят людей и поэтому стремятся прочесть как можно больше их жалоб, о вторых говорили, что они не любят людей, весь день не могут заставить себя прочесть ни одной жалобы и потому вынуждены читать их после работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.